

Резкое усиление революционных мотивов в творчестве Некрасова. «Размышления у парадного подъезда», «Песня Еремушке». Автобиографические поэмы: «На Волге», «Рыцарь на час». Их социальный смысл

В период подготовки и осуществления крупнейшей из реформ 60-х годов — крестьянской реформы, т. е. в четырехлетие с 1858 по 1861 год, революционно-демократические мотивы в творчестве Некрасова достигают очень высокого напряжения. Это происходит под непосредственным влиянием создавшейся в стране социально-политической ситуации. В 1858 году для всех стало ясным, что губернские комитеты, которым правительство поручило разработать проекты реформы, состоящие почти исключительно из дворян-помещиков, — недаром их называли плантаторскими, — в своих проектах руководствовались узкоклассовыми вожделениями, т. е. менее всего думали об интересах многомиллионного крестьянства. В 1859 году были учреждены редакционные комиссии для выработки, на основе проектов губернских комитетов, общего проекта реформы. Но и деятельность редакционных комиссий свидетельствовала, что о сколько-нибудь демократическом разрешении крестьянского вопроса и думать не приходится. Крестьяне чувствовали, что дело оборачивается весьма нежелательным для них образом.

На этот вывод наталкивает непрекращавшийся, именно в канун реформы, рост крестьянских волнений. Если «на заре эпохи реформ», в 1856 году, число крестьянских волнений было очень небольшим (25), в 1857 году несколько повысилось (40), то в 1858 году волнений уже было зарегистрировано 86, в 1859 году — 90, а в 1860 году — 108. Фр. Энгельс имел достаточные основания, как раз в 1860 году, определять создавшуюся в России ситуацию словами: «... существующие

социальные отношения продолжаться больше не могут. Устранение их, с одной стороны, необходимо, а с другой — невозможно без насильственного изменения».¹

В. И. Ленин оценил ситуацию этих лет — 1859—1861 годов — как революционную.

Неудивительно, что столь чуткий наблюдатель общественной жизни, как Некрасов, сумел понять и передать в своих стихах основное общественное противоречие тех лет. Отражая настроение революционной демократии, поэт создает ряд произведений, пронизанных революционными мотивами. Вот наиболее важные из них: «Размышления у парадного подъезда», «Песня Еремужке», «На Волге», «Рыцарь на час», «Плач детей».

Общеизвестный рассказ А. Я. Панаевой о том, как было создано стихотворение «Размышления у парадного подъезда», говорит, что, начиная его с описания уличной сцены, которую Некрасов наблюдал из окна своей квартиры, он придает этому описанию черты «физиологического очерка», но не одного из тех «физиологических очерков», которые в сугубо объективном плане изображали виденное и слышанное, а одного из тех очерков, которые стремились воздействовать в определенном духе на читателей.

Если образы «гостей», конечно, знатных и чиновных «гостей», подъезжающих к подъезду «по торжественным дням», не внушают ни малейшей симпатии, ибо все они одержимы «холопским недугом», то образы «убогих лиц», осаждающих подъезд в «обычные дни», вызывают жалость, и потому, что это, по большей части, бедняки, и потому, что многие из них не получают никакой помощи от того, к кому за ней обращаются («возвращаясь... иные просители плачут»).

Уже не просто жалость, а глубокое сочувствие, более того, горячую любовь возбуждает подошедшая к подъезду группа «мужиков», «деревенских людей». И то, что они стоят, «свесив русые головы к груди», и то, что они обращаются к швейцару «с выраженьем надежды и муки», — настраивает читателя в их пользу. Еще более располагает к ним их коллективный портрет:

Армячишка худой на плечах,
По котомке на спинах согнутых,
Крест на шее и кровь на ногах,
В самодельные лапти обуток
(Знать, брели-то долгонько они
Из каких-нибудь дальних губерний).

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. 1, стр. 246.

Вторая часть стихотворения представляет собой гневную сатиру на одного из тех, кто подобно «владельцу роскошных палат» проявляет цинично-бессердечное отношение к деревенским ходакам, т. е. на одного из подлинных виновников народных страданий. Обращение поэта к «владельцу роскошных палат», переходящее в его характеристику, столь ярко, образно, проникнуто таким сатирическим одушевлением, что его нельзя не отнести к лучшим образцам не только русской, но и мировой сатирической поэзии. Некрасову удается в данном случае подняться до такой высоты потому, что он умеет напитать свою сатиру самым проникновенным, самым неподдельным лиризмом.

Вчитываясь во вторую часть «Размышлений», нетрудно заметить, что в конце ее Некрасов применяет своеобразный и очень эффективный по силе производимого им впечатления прием: заключающий вторую часть рассказ об угасании состарившегося «владельца роскошных палат» на лоне пленительной итальянской природы, в кругу семьи, он ведет в мягко лирических тонах только для того, чтобы сильнее подчеркнуть свое истинное отношение к этому персонажу с помощью хотя и мимоходом брошенных, но невероятно резких ремарок:

Убаюканный ласковым пением
Средиземной волны, — как дитя
Ты уснешь, окружен попечением
Дорогой и любимой семьи
(Ждущей смерти твоей с нетерпением);¹
Привезут к нам останки твои,
Чтоб почтить похоронною тризною,
И сойдешь ты в могилу... герой,
Втихомолку проклятый отчизною,²
Возвеличенный громкой хвалой! ..

В данном случае мы имеем дело с одним из ярких примеров наиболее удачного применения Некрасовым столь излюбленного им приема контраста.

Третья часть характеризуется нарастающим лирическим подъемом, что и естественно, ибо именно третья часть посвящена художественному оформлению самого важного из того, что хотел сказать автор «Размышлений». Ведь если раньше он рисовал отдельные образы («просителей», «деревенских людей», «владельца роскошных палат»), то теперь перед ним встала несравненно более сложная и ответственная задача — нарисовать образ страдающего народа русского, образ угне-

¹ Курсив наш, — В. Е.-М.

² Курсив наш, — В. Е.-М.

тенных и обездоленных масс. Эту не просто трудную, а труднейшую задачу Некрасов разрешил блестяще и создал, без преувеличения говоря, бессмертные строки, которыми гордилась, гордится и будет гордиться великая русская литература.

Наиболее удались Некрасову содержащиеся в третьей части обращения к «родной земле» и к «Волге».

Обращение к «родной земле» («Назови мне такую обитель») поэт разворачивает в необычайно широкую картину народных страданий, народного стона («стонет он... стонет он»),¹ хотя эта картина создается с помощью немногих слов. Здесь больше, чем где-либо, Некрасов дает прекраснейший образец того, насколько он был прав, настаивая на художественном лаконизме:

Правилу следуй упорно:
Чтобы словам было тесно,
Мыслям — просторно.

Ведь этот лаконизм не только не ослабляет силу производимого впечатления, а во много раз увеличивает ее.

Обращение к «Волге» вводит новый образ, образ самой русской из русских рек, вводит его для того, чтобы еще резче подчеркнуть безмерность народной скорби, превосходящей по своей широте и глубине даже широту и глубину волжского разлива «весной многоводной». Впечатление от разлива, — от разлива и народной скорби и волжских вод, — поэт, проявляя исключительное мастерство, усугубляет частым повторением гласных *о* и *а*, на которые падает ударение.

Волга! Волга!.. Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля...

Концовка стихотворения с исключительной силой ставит вопрос о грядущих судьбах народа, о том, что предстоит ему в будущем — проснуться ль, исполненным сил, или же «духовно навеки почить». Ответ на него до крайности упрощается, если было бы признано, что вслед за строкой

Ты проснешься ль, исполненный сил,

следовала отсутствующая в печатном тексте строка:

Сокрушишь палача и корону.²

¹ Широта социального охвата картины народных страданий такова, что при желании каждую строчку перечня («Стонет он... Стонет он... Стонет...») можно было бы развернуть в особое художественное произведение.

² Курсив наш, — В. Е.-М.

Но поскольку относительно принадлежности ее Некрасову до сих пор ведется спор, приходится при ответе на поставленный выше вопрос ее игнорировать. Однако, и игнорируя ее, все же нельзя не прийти к заключению, что, обращаясь к народу со словами: «Ты проснешься ль, исполненный сил», — Некрасов имел в виду народное восстание, народную революцию. Следовательно, вопрос ставился им так: или революция, или гибель.

Все, что мы знаем о Некрасове 60-х годов, авторе таких поэм, как «Несчастные» и «Тишина», свидетельствует о том, что, страстно любя народ, глубоко веря в его физические и духовные силы, он не мог допустить и мысли о том, что такому народу суждено погибнуть. Нет, народ не погибнет, он проснется, «исполненный сил», — таков смысл концовки «Размышления».

В знаменитой «Песне Еремушке» поэт уже не столько «размышляет» о грядущих судьбах народа, в частности о революции, сколько призывает к ней. Там — «размышления», здесь — «призыв», призыв одушевленный, пылкий, страстный, возбуждающий к протесту и борьбе. Так именно подходил к «Песне Еремушке» Добролюбов, писавший о ней одному из своих друзей: «Выучи наизусть и вели всем, кого знаешь, выучить песню Еремушке... Помни и люби эти стихи: они... идут прямо к молодому сердцу».

Называя стихотворение «Песней Еремушке», изображая в нем крестьянского ребенка, Некрасов едва ли не хотел тем самым подчеркнуть, что он обращается не столько к крестьянству вообще, сколько к крестьянской молодежи. Она, именно она, надеется поэт, не останется глухой к его призыву. Следует отметить, что чем зрелее становились общественные взгляды Некрасова, тем более определялось, что его основной ставкой была ставка на молодежь, на молодое поколение, которое он считал более способным к восприятию передовых идей, чем старшее поколение, поколение «отцов».

В «Песне Еремушке», собственно говоря, воспроизводится не одна, а две песни.

В первой из них выражается мудрость, основанная на многовековом опыте, на старозаветной морали. Мудрость эта видит смысл жизни в удовлетворении личных стремлений, личного эгоизма и в этих целях рекомендует «ниже тоненькой былиночки» клонить свою голову.

Во второй песне «опыт» назван не только усыпляющим «в пошлой лени», но и «растлевающим» — «умом глупцов». Смысл жизни не в том, чтобы следовать внушениям этого

«опыта», а в том, чтобы «жизни вольным впечатлениям» отдать свою вольную душу, чтобы развить в ней истинно «человеческие стремления», заложенные природою, чтобы посвятить себя «служению» «Братству, Равенству, Свободе» и во имя их бороться с «угнетателями».

Вникая в смысл второй песни, нельзя не прийти к заключению, что в ней содержится сущность и философских, и моральных, и социально-политических установок как Некрасова, так и революционной демократии вообще.

Для углубленного понимания «Песни Еремушке» недостаточно одного канонического текста, необходимо привлечь и текст открытого нами первоначального варианта. В художественном отношении он значительно уступает каноническому тексту, ибо производит впечатление и недоделанного и незавершенного, но в идеологическом смысле он представляет немалый интерес.

Так, отрицательные стороны русской действительности характеризуются в нем более резкими чертами, о чем свидетельствуют следующие строки:

Разоренная, забитая,
Без того, душа моя,
Сплошь холопами набитая
Гибнет родина твоя.
.....
Послушаньем да терпением
Мы богаты через край...

Далее в первоначальном варианте присутствует образ, изъятый из окончательного текста, образ двух путей:

Презирай пути лукавые:
Там разврат и суета,
.....
Обходи дорогу торную
Выбирай свободный путь.

Эти поиски нужного пути найдут себе исключительно яркое и сильное выражение в знаменитой песне «Средь мира дольного» («Кому на Руси жить хорошо»). Сопоставляя эту последнюю с «Песней Еремушке», нельзя не отметить, что в обеих песнях вопрос о двух путях ставится, примерно, в одном идеологическом плане. Отражая основной общественный конфликт эпохи: противоречие между эксплуататорами и эксплуатируемыми, поэт обращается к молодежи, призывая ее встать в ряды борцов за правду, которую видит в осуществлении прав трудового народа на свободную, счастливую жизнь.

Выше были приведены слова Добролюбова о «Песне Еремушке», из которых следует, что он придавал данному стихотворению агитационное значение. И действительно, агитационные элементы в «Песне Еремушке» выражены с предельной ясностью, так что, по выражению того же Добролюбова, «идут прямо к молодому сердцу». Недаром в мемуарах людей 60-х годов не редкость встретить прямо-таки восторженные рассказы о том, как любила молодежь того времени это стихотворение, как упивалась им. Само собой разумеется, что этот исключительный успех «Песни Еремушке» нельзя объяснить только тем, что по своему идейному содержанию она может быть названа боевым гимном шестидесятников. Здесь, разумеется, сыграла свою роль и высота ее художественного уровня. В «Песне Еремушке» мало действия, но этот недостаток, обусловленный самим содержанием стихотворения, с избытком искупается силой и неподдельностью лирического одушевления.

«Песня Еремушке» напоена горячим лиризмом. Производимое ею впечатление усугубляется ясностью, отчетливостью доходящего иногда до афористичности языка. Избранный Некрасовым размер также необыкновенно подходит к установке стихотворения. Некрасов пользуется здесь не столь любимыми им трехсложными размерами, а двухсложным — четырехстопным хореем и обнаруживает такое же блестящее мастерство в пользовании им, как Пушкин в «Пире Петра Первого».

В 1860 году Некрасов, опять-таки в связи с революционной ситуацией эпохи, задумывается над своим местом в назревающей революционной борьбе. В этих целях он вознамерился написать большую автобиографическую поэму. Однако из нее он создает лишь две главы — первую и четвертую, — печатаемые обычно как два самостоятельных стихотворения — «На Волге» и «Рыцарь на час». И в том и в другом стихотворении автобиографические мотивы звучат с чрезвычайными силой и яркостью, но это не препятствует данным стихотворениям иметь не узко личное, а широкое общественное значение.

Превосходны в стихотворении «На Волге» строки, передающие детские воспоминания поэта, великолепны описания волжской природы и самой Волги, на берегах которой протекало детство поэта, но и эти воспоминания и эти описания, сосредоточенные в первой и второй главах стихотворения, только готовят читателя к восприятию третьей главы, в которой те же детские воспоминания насыщены глубоким и острым социальным смыслом. Центральная часть третьей главы — это, бесспорно, рассказ о встрече автора, тогда еще

мальчика, с бурлаками и об их разговоре, слышанном им. Этот рассказ, известный всем и каждому, восходит к непосредственным впечатлениям жизни. Отсюда его жизненность, его суровая правдивость, позволяющая поставить его не ниже, чем рассказ о сцене перед «парадным подъездом». В обоих этих рассказах Некрасов проявляет поразительное умение давать высоко художественную, пленяющую своим строгим реализмом обработку и тому, что он видит, и тому, что он слышит.

Вид бурлаков, которые

Почти пригнувшись головой
К ногам, обвитым бечевою,
Обутым в лапти, вдоль реки
Ползли гурьбою. . .

услышанный им

Их мерный похоронный крик —

заставляют дрогнуть его сердце. Когда же автор вслушался в разговор бурлаков, закончившийся словами:

А кабы к утру умереть —
Так лучше было бы еще. . .

когда он взгляделся в одного из разговаривавших:

Лохмотья жалкой нищеты,
Изнеможенные черты
И, выражающий укор,
Спокойно-безнадежный взор. . .

то слышанное и виденное не только потрясло его, но и пробудило в его душе столько новых дум, чувств, настроений, что они в совокупном воздействии на его сознание обусловили такой поворот в его духовном развитии, который в конечном результате, через много лет, сделал его убежденнейшим сторонником революционно-демократических идей, а поскольку он был гениальным поэтом, то и вдохновенным певцом русской демократии.

О, горько, горько я рыдал,
Когда в то утро я стоял
На берегу родной реки,
И в первый раз ее назвал
Рекою рабства и тоски! . .
Что я в ту пору замышлял,
Созвав товарищей-детей,

Какие клятвы¹ я давал —
 Пускай умрет в душе моей,
 Чтоб кто-нибудь не осмел!

В этих, поистине, бессмертных стихах нашло себе одно из наиболее ярких проявлений в поэзии Некрасова тех чувств страстной любви к народу и жгучей скорби от сознания безмерности народных страданий, без которых не родилась бы «Муза мести и печали». Рождение «Музы мести и печали» следует поставить в связь с содержанием тех «клятв», которые еще ребенком дал Некрасов и о реализации которых он не переставал думать в течение всей своей жизни.

Что это были за клятвы?

В первоначальном, детски примитивном виде это были клятвы помогать страдающим беднякам, подобным встреченным на Волге бурлакам. Впоследствии из этих детски примитивных клятв развилась стройная и последовательная программа служения народу и борьбы с его угнетателями.

В работах наших литературоведов часто содержатся указания на отроческие клятвы Герцена и Огарева, на юношеские клятвы Чернышевского, на аннибалову клятву Тургенева и очень редко упоминаются «клятвы» Некрасова, хотя эти последние заслуживают отнюдь не меньшего внимания, чем клятвы названных писателей.

В четвертой главе стихотворения «На Волге», под впечатлением новой встречи с бурлаками, которые не изменились за годы, прошедшие со времени первой встречи:

Унылый, сумрачный бурлак!
 Каким тебя я в детстве знал,
 Таким и ныне увидал:

 В чертах усталого лица
 Всё та ж покорность без конца...¹

автор отдается горестным размышлениям об устойчивости «суровой среды»,

Где поколения людей
 Живут и гибнут без следа...

и весьма недвусмысленно дает понять, что бурлаку, как и его отцу, как и всему народу, тяжело живется потому, что им так и «не довелось» «наткнуться на вопрос»:

Чем хуже был бы твой удел,¹
 Когда б ты менее терпел?

¹ Курсив наш, — В. Е.-М.

Это замечательное двустишие позволяет утверждать, что пессимистический колорит стихотворения «На Волге» отнюдь не безусловен. Жизнь народа невыносимо тяжела, ибо он чрезмерно покорен, терпелив, малосознателен и не ставит перед собой вопроса, не следует ли ему покончить со своим вековым терпением хотя бы уже потому, что хуже все равно не будет, не может быть. Все, что мы знаем об отношении Некрасова к народу, убеждает, что он верил в то, что долготерпению народа будет положен предел, что рано или поздно народ проснется, «исполненный сил».

Однако, будучи тверд в своей вере в народ, Некрасов, как показывает стихотворение «На Волге», временами сомневался в том, может ли он верить в себя, в свою способность встать в ряды активных борцов за счастье народа.

Эти же сомнения отразились и в «Рыцаре на час».

«Рыцарь на час» так же, как и стихотворение «На Волге», включает в свой состав ряд блестящих описаний природы. Однако если в первом из этих стихотворений даются описания Волги и ее берегов, то во втором — описания «широкого поля» с его «зеленеющей озимью», с его красными полосами гречи, луга, покрытого стогами, леса, усыпанного листвою, замыкающего «сонные нивы», наконец, «родной деревни», окруженной скирдами, благодаря которым «не видна ее бедность нагая». Вслед за этими описаниями — описание «церкви старой» и «могилы», где лежит «бедная мать» поэта.

Образ матери в «Рыцаре на час», наряду с образом лирического героя, занимает центральное место. В течение всей своей творческой деятельности, т. е. с конца 30-х годов вплоть до конца 70-х годов, Некрасов возвращался к образу матери. В стихотворении «Родина» (1846) этот образ дан в реалистическом плане, в «Несчастных» (1856) он овеян романтическими настроениями («Фея в волшебном замке колдуна»), в «Рыцаре на час» он приобретает значение символическое, воплощая все самое возвышенное, самое святое, что имеет место в человеческой жизни, в сфере человеческих отношений. Образ матери в «Рыцаре на час» совмещает в себе и самоотверженную любовь к людям («Ты, чистейшей любви божество!»), и страстную преданность заветам высшей правды («Не робеть перед правдой-царицею научила ты музу мою»), и непоколебимую духовную мощь («силу свободную, гордую... в мою заложила ты грудь»). Перед этим образом лирический герой готов не только преклониться, но и отдать себя на его суд («на суд твой себя отдаю»), веря в то, что этот суд поможет ему смыть «позорные пятна» свои и поставит его «на правый»

Улы стилизованный «Рыцарь на час»

В эту ночь и конюх по рываю
На минуте галки,
Ты и легот моя брела маю...

В эту ночь и конюх по рываю
Ты и легот моя брела маю
Ты и легот моя брела маю
Ты и легот моя брела маю
Ты и легот моя брела маю
Ты и легот моя брела маю

Ды, маня в н тета да аявля
Ды, маня в н тета да аявля
Ды, маня в н тета да аявля
Ды, маня в н тета да аявля
Ды, маня в н тета да аявля
Ды, маня в н тета да аявля

Автограф стрывка из стихотворения «Рыцарь на час». Вариант, не вошедший в печатный текст 1860 г.

путь, на тот тернистый путь, на который он указывает, говоря:

От ликующих, праздно болтающих,
Обагривших руки в крови,
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви!

В чем же кается поэт, рыдая на груди матери?

На это вопрос в «Рыцаре на час» дается весьма определенный ответ, выраженный с исключительными искренностью и силой, а к тому же облеченный в неподражаемо прекрасную форму. Отдавшись «безумной» «жажде жизни», т. е. жизненных наслаждений, поэт вмешался в «бесславную битву», которая привела его к «бездне», т. е. к нравственным падениям («Поднимался. . . и вовсе упал»), которая погрузила его «в тину нечистую мелких помыслов, мелких страстей». Спасение от «бездны», от окончательного погружения «в тину нечистую» только в одном: в уходе «в стан погибающих за великое дело любви». Очутившись в этом стане, человек, «чья жизнь бесполезно разбилась», сможет хотя бы

. . . смертью еще доказать,
Что в нем сердце неробкое билось,
Что умел он любить. . .

Вопрос о том, что разумел Некрасов под «станом погибающих за великое дело любви», решается легко, в особенности если учесть содержание того варианта стихотворения и того прозаического пояснения к нему, которые сохранились в альбоме Л. П. Шелгуновой. В этом варианте содержатся такие стихи:

В эту ночь со стыдом сознаю
Бесполезно погибшую силу мою. . .
И трудящийся, бедный народ
Предо мною с упреком идет,
И на лицах его я читаю грозу,
И в душе подавить я стараюсь слезу. . .
.
Да! теперь я к тебе бы воззвал,
Бедный брат, угнетенный, скорбящий!
И такую бы правдой звучал
Голос мой, из души исходящий,
В нем такая бы сила была,
Что толпа бы за мною пошла. . .
Вы еще не в могиле, вы живы,
Но для дела вы мертвы давно,
Суждены вам благие порывы,
Но свершить ничего не дано. . .

А дальше прозаическая приписка:

«Редки те, к кому нельзя применить этих слов, чьи порывы способны переходить в дело... Честь и слава им — честь и слава тебе, брат!

Некрасов».

Совершенно ясно, что эти стихи и эта прозаическая приписка дают твердое основание для вывода, что «стан погибающих» — это стан тех, кто находит в себе силы призывать угнетенных к борьбе, стан тех, чьи порывы способны переходить в дело. Одним словом, стан революционных борцов, готовых на все жертвы во имя интересов народа. Нет сомнения, что прозаическая приписка имеет в виду одного из руководящих сотрудников «Современника», близкого Некрасову человека, поэта, переводчика, беллетриста, публициста М. И. Михайлова, вскоре после создания «Рыцаря на час» подвергшегося репрессиям за распространение революционной прокламации.

Людей, личным страданием доказавших свою преданность революционным убеждениям, революционеров-борцов, Некрасов называет «братьями», им воздает он и «честь» и «славу», но себя не решает к ним причислить. Правда, временами он как бы чувствует себя «рыцарем» (рыцарем революционного долга) и мечтает, — увы! только мечтает, — о том, как он призовет к борьбе «бедного брата, угнетенного, скорбящего» и возглавит «толпу» восставших («толпа бы за мною пошла»). Но с другой стороны, не сходя с позиций сурового самоосуждения, Некрасов признает себя только «рыцарем на час», а от «рыцарей на час», — такова идеологическая установка стихотворения, — многого ждать не приходится, им, в конце концов, «свершить ничего не дано».

Сохранилось письмо Добролюбова к Некрасову (от 23 августа 1860 года), в котором критик резко восстает против проявляемого иногда поэтом неверия в свои силы. «Да знаете ли вы, — восклицает здесь Добролюбов, — что если бы я в мои 24 года имел ваш жар, вашу решимость и отвагу да вашу крепость, я бы гораздо с большей уверенностью судил не только о своей собственной будущности, но и о судьбе хоть бы целого русского государства».¹

Мы не знаем, читал ли Добролюбов «Рыцаря на час», когда писал Некрасову свое письмо. Одно совершенно несомненно: он решительно отказывался видеть в Некрасове только «рыцаря на час».

¹ «Книга и революция», № 2(14), 1921, стр. 72.

Однако никоим образом нельзя отрицать, что эта необычайно меткая и, если говорить по существу, в достаточной степени злая кличка если и мало подходила к самому Некрасову, то вполне подходила ко многим представителям тогдашней русской интеллигенции. В герое стихотворения личные, индивидуальные черты играют не главную роль; главную роль в нем играют черты типические, свойственные широким слоям русской интеллигенции, и прежде всего той части ее, которая от демократизма постепенно переходила к либерализму. Данное стихотворение — это сокрушительный удар по либерализму.

Автору «Рыцаря на час» удалось достичь полной гармонии между содержанием и формой, а это представляло исключительно трудную задачу, поскольку данное стихотворение являлось, по замыслу автора, исповедью лирического героя в момент необычайно сложных и мучительных душевных переживаний. Для передачи крайней степени взволнованности, владеющей душой героя и заставляющей его то горько каяться, то впадать в беспросветное отчаяние, то видеть какой-то просвет, нужна была на редкость гибкая форма. И Некрасов нашел ее, причем могучим, но, само собой разумеется, не единственным орудием в его руках послужил его любимый размер — анапест. Некрасов в совершенстве владел анапестом, был подлинным и непревзойденным мастером этого сравнительно не частого размера. Использование анапеста в «Рыцаре на час» дало поразительные результаты. Невозможно представить себе, чтобы другой размер мог так гармонировать с тревожным, мятущимся душевным состоянием лирического героя, как гармонирует с ним анапест в данном стихотворении.

В заключение два слова о художественных средствах рассмотренных стихотворений. Оба они свидетельствуют о том, что как ни страстно любил Некрасов родную природу, каким исключительно одаренным художником-пейзажистом ни был — его никоим образом нельзя отнести к числу тех поэтов, которые в описаниях природы видят некую самоцель. Природа никогда не дается им в отрыве от человека, от мира человеческих отношений, причем изучение относящихся сюда его произведений приводит к выводу, что описания природы в иных случаях находятся в органической связи с изображением внутреннего мира автора, в других случаях — в не менее тесной связи с изображением народа, жизнь которого проходит на лоне природы.

